

О РАНЖИРОВАНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ НА ОСНОВЕ РАЦИОНАЛЬНОГО СКЕПТИЦИЗМА

Р.А. Ярцев

Обсуждается проблема элиминации неподтвержденных теорий из научного знания как возражение П. Фейерабенда против известных рациональных методологий науки. Для ее решения предлагается ранжировать научное знание по познавательной значимости на основе вводных принципов рационального скептицизма. Ранжирование осуществляется с помощью процедуры, предложенной автором в качестве универсального метода и критерия демаркации научного познания.

Ключевые слова: рациональность, скептицизм, анархизм, познание, наука, истина, исследование, метод, дискуссия, ранг, теория

Существование универсального метода научного познания, как известно, является предметом незатихающих дискуссий между исследователями в области философии и методологии науки. Среди наиболее значимых критиков научной рациональности ведущее место занимает П. Фейерабенд, автор концепции «эпистемологического анархизма» [1], главное научное достоинство которой видится нам в том, что «Фейерабенд заложил рациональные основы современного иррационализма» [2]. Однако, по свидетельству специалистов, «идеи Фейерабенда не дождалась серьезного критического анализа, а его книга не получила должной оценки» [3], поэтому исследование «эпистемологического анархизма» представляет большой научный интерес.

На наш взгляд, одно из самых существенных возражений П. Фейерабенда против рационализма в науке состоит в том, что «существуют ситуации, когда даже самые либеральные оценки и наиболее либеральные правила устранили бы ту идею или концепцию, которую в наши дни мы считаем существенной составной частью науки, и не позволили бы ей одержать победу» [4]. С этим согласен И. Лакатос, автор методологии научно-исследовательских программ и главный исторический оппонент Фейерабенда: по его мнению, «мы... вполне можем элиминировать истинную теорию или сохранить ложную» [5]. «Тем не менее, продолжает И. Лакатос, мы «обязаны найти способ элиминировать некоторые теории. Если это не

получится, рост науки будет не чем иным, как ростом хаоса... С методологической точки зрения, элиминация должна быть окончательной» [6].

В рамках наиболее известных рациональных методологий Л. Витгенштейна, К.Р. Поппера и самого И. Лакатоса, очевидно, находится такой способ «борьбы с хаосом» в науке, поскольку формулируется некоторый критерий истинности («не-ложности», «прогрессивности») положений или теорий, который применяется для демаркации научного знания. Однако на догматический характер подобной демаркации, который противоречит интересам поиска истины, как раз и указывает П. Фейерабенд.

В настоящей статье мы пытаемся ответить на выдвинутое Фейерабендом возражение, предложив свой способ «примирить» научную рациональность с «фаллибилизмом» [7], или, точнее, со скептицизмом в науке. Он состоит в использовании рациональной процедуры, выводимой нами в качестве универсального метода научного познания [8]. Принципиальное отличие данной процедуры от уже известных заключается в том, что используемый в ее рамках критерий истинности применяется не для демаркации, а для внутреннего ранжирования научного знания по познавательной значимости. В результате удается не только сохранить для науки все опровергнутые теории, но и избежать того хаоса в научном познании, от которого предостерегает Лакатос.

О догматизме известных рациональных методологий науки

Научная значимость упомянутого выше возражения П. Фейерабенда, на наш взгляд, состоит в том, что наиболее известные рационалистские теории науки, элиминирующие из нее ложные положения, уличаются в догматизме или несоблюдении одного из базовых принципов научного познания – принципа скептицизма. Согласно данному принципу, истинность любого используемого в науке положения, в том числе результатов исследований, не является абсолютно достоверной и всегда может быть поставлена под сомнение. Это норма научного познания, поскольку каждый исследователь здесь не только обязан подвергать сомнению собственные результаты и выводы, но также обладает правом сомневаться в достоверности положений, выдвинутых другими. В соответствии с подходом Р. Мертона [9], который мы поддерживаем, скептицизм можно считать одним из самых основных принципов этики науки, нормирующих поиск истины.

Доказать необходимость скептицизма в науке, думается, несложно. Во-первых, уже сами принципы научного обоснования не являются аб-

солютно достоверными: нас могут обманывать и ощущения (белый свет, например, вовсе не белый, а комбинация световых ощущений различного спектра), и логические рассуждения (к примеру, неполная индукция в заключениях о причинности событий). Во-вторых, еще Поппер, обосновывая «фаллибилизм», или принципиальную ошибочность, недостоверность научного знания, наглядно показал, что попытки получить исчерпывающее подтверждение любых положений неосуществимы из-за «регресса в бесконечность»: каждое найденное обоснование необходимо вновь подвергать сомнению и искать ему другие обоснования [10]. Правда, он при этом считал опровержение научных теорий окончательным [11], но уже Лакатос, как мы видели, признал, что фальсифицированная теория вполне может оказаться истинной. Возразить здесь нечего хотя бы по той причине, что опровержение одной теории неотделимо от подтверждения другой, ей противоположной, а последнее, как мы уже знаем от Поппера, не может быть окончательным.

Таким образом, судить об истинности научных положений с абсолютной достоверностью невозможно и следует считать такие суждения не более чем рабочими гипотезами, которые со временем могут быть пересмотрены. Иначе говоря, познавательный скептицизм как принцип научного познания выражает приоритет сомнения перед верой в истинность любого научного положения. Действие данного принципа распространяется и на эмпирическое, и на теоретическое познание. В первом случае необходимо время от времени перепроверять результаты любых наблюдений и экспериментов, используя при этом достижения технического прогресса, а во втором – пересматривать системы аксиом как оснований для вывода, проверять логику рассуждений, искать новые пути опровержений, подтверждений и обобщений.

Скептицизм как познавательная норма интуитивно принимается всеми учеными, но, парадоксальным образом, явных сторонников у него в науке немного, особенно среди специалистов в области частных наук. Объяснение этому, на наш взгляд, заключается в том, что в рамках традиционных представлений о скептицизме данный принцип неправомерно отождествляется с двумя необязательными выводами из него.

Согласно первому выводу, раз истина недостоверна, то бесполезно ее искать, а также высказываться о ней. Скептицизм такой разновидности можно назвать «наивным», его истоки обнаруживаются уже в античном скептицизме Пиррона [12]. Многие философы науки, и среди них К. Поппер (в ранний период), Т. Кун, И. Лакатос, избегали пользоваться понятием истины, а П. Фейерабенд даже объявил об этом открыто [13].

Очевидно, что «наивный» скептицизм противоречит установкам научного познания во все времена и встречает обоснованное сопротивление ученых: что же тогда делать в науке, как не выяснять истину? Второй вывод, который может быть сделан независимо от первого, утверждает иррационализм: поскольку объективная истина недоступна, мы имеем право искать ее любыми способами и поддерживать любые теории. «Допустимо все», – пишет П. Фейерабенд [14], и в этом случае научная полемика направляется не на выяснение истины, а на достижение «успеха». Против такого хаоса в науке ученые протестуют еще более дружно, требуя обоснования обсуждаемых положений.

Таким образом, обе данные разновидности скептицизма противостоят научным традициям. Кроме того, традиционные представления о рационализме и скептицизме противостоят друг другу и, руководствуясь ими, философы науки сталкиваются с необходимостью сочетать в своих концепциях несочетаемое: рационализм, элиминирующий из научного познания возможные истины, и скептицизм, разрушающий науку хаосом. Отсюда, например, понятно, почему они не торопятся выбирать ни «эпистемологический анархизм», отказывающийся от понятия истины и универсального метода науки, ни марксистскую гносеологию с ее кумулятивным накоплением объективных истин: это равнозначно «гносеологическому самоубийству» перед научным сообществом как важнейшим потребителем идей методологии науки.

Сталкиваясь с данной проблемой, большинство философов и методологов науки предпочитают искать компромисс между догматичной рациональностью и разрушительным скептицизмом. Результат обычно также вступает в противоречие с научным познанием, потому что достигается ценой уступок догматизму. Например, «джастификационизм» Л. Витгенштейна [15], как и «мягкий» скептицизм Д. Юма [16], выводит из сферы действия сомнений эмпирический опыт и обосновываемые с его помощью истины науки; сюда же относится, очевидно, сам принцип эмпиризма, принимаемый, наряду с опытом, без обоснования. Показателен в этом отношении и путь К. Поппера, учение которого сочетает догматический фальсификационизм с «фаллибилизмом»: последний со временем был еще больше ограничен под влиянием теории объективной истины А. Тарского [17]. Методология И. Лакатоса также вынуждена элиминировать фальсифицированные теории [18]. Каждая из перечисленных уступок означает возможность навсегда упустить истину, действуя под видом борьбы с хаосом в науке. Поэтому если мы здесь хотим эффективно примирить скептицизм с рациональностью, то не должны

его ограничивать никаким критерием истинности, выводящим те или иные гипотезы за пределы научного знания.

О предлагаемой процедуре научного познания

Итак, чтобы привести научную рациональность в соответствие со скептицизмом, необходимо, во-первых, переосмыслить содержание критерия истинности, устанавливаемого универсальным методом науки, и, во-вторых, отказаться от использования этого критерия для демаркации научного и ненаучного познания. Первое требует признать, что истина, открываемая с помощью научных методов, не является абсолютной (объективной) и что устранять это понятие из науки нельзя, поскольку иначе теряется смысл научной рациональности как познавательной программы, оценивающей получаемое знание в категориях «истина», «ложь» или «гипотеза». Следовательно, любое рациональное заключение об истинности того или иного положения должно иметь относительный характер, зависящий от выбора исходных, базисных положений, от логики вывода, а также от корректности ее применения исследователем. Тем самым критерий истинности релятивизируется, так как признается его зависимость от использования конкретным субъектом познания [19].

Наше второе требование – отказ от использования рационального критерия истинности в качестве критерия демаркации вытекает из первого и позволяет сохранить в научном познании опровергнутые, а также спорные теории (гипотезы), оставляя перспективы их дальнейшей разработки. Конечно, критерий истинности также участвует в демаркации научного познания, потому что нарушение его требований при подтверждении положений ведет к необходимости удаления их как истин из научного знания. Однако он не является самостоятельным критерием демаркации: в качестве последнего выступает весь универсальный метод науки. Аналогично и критерий оправдательного приговора в уголовном праве не подменяет общего критерия законности судебных решений, хотя несоблюдение первого из них при подготовке оправдательных заключений судами также является незаконным. Можно считать, что главное назначение критерия истинности – это его участие в ранжировании научного знания по познавательной значимости.

Именно такой критерий истинности предлагает процедура, выводимая нами в качестве универсальной методологии научного познания [20]. Эта процедура стремится в явном виде описать нормы «научного мастерства», по умолчанию применяемые субъектами науки при проведе-

нии исследований в любой предметной области. Представляется, что данные нормы требуют рассматривать научное исследование как дискуссию с некоторыми, пусть даже воображаемыми, оппонентами, а их нарушение влечет за собой необходимость отторжения получаемых результатов от научного знания.

Процедура состоит из четырех этапов: постановки вопроса (проблемы, научной задачи, цели исследования); генерации гипотез; их проверки на обоснованность и получения ответа (нового знания); формулирования новых вопросов к полученному ответу. При этом проверка каждой гипотезы на обоснованность осуществляется путем поиска аргументов для ее подтверждения или опровержения. Первые представляют собой логические выводы из некоторых базисных положений, принимаемых за истину без обоснования, вторые – противоречия гипотезы как внутри нее самой (нарушения когерентности), так и по отношению к базисным положениям. В соответствии с рационалистским принципом непротиворечивости научного знания дискутируемое положение (гипотеза) признается: а) истинным, если среди не опровергнутых в ходе дискуссии аргументов имеются подтверждающие и отсутствуют опровергающие аргументы; б) ложным, если среди указанных аргументов имеются только аргументы в пользу опровержения; в) вероятным («явной» гипотезой), если имеются или отсутствуют аргументы обоих видов. Ответ на вопрос формируется через обобщение результатов рассмотрения всех гипотез и, согласно принципу скептицизма, осознается как временный, промежуточный на пути к абсолютному знанию [21].

Данная процедура отражает компромисс между познавательным здравым смыслом и практическим здравым смыслом человеческой природы. Если первый требует «регресса в бесконечность» обоснований с целью избежать возможного заблуждения, то второй пресекает этот регресс в интересах достижения «успеха» на практике. Таким образом, научное познание, которое имеет своим идеалом получение абсолютного знания, вытекает из требований познавательного здравого смысла человека и может быть исчерпывающим образом реализовано только человечеством как коллективным субъектом, познание которого обладает бесконечной продолжительностью [22].

Особо оговорим, что любые действия, относящиеся к научному познанию, должны считаться рациональными прежде всего в смысле их соответствия правилам, устанавливаемым рассмотренной процедурой. А поскольку эти правила отражают применение формальной логики,

постольку уже отсюда можно вывести рациональность научных действий в общепринятом смысле соблюдения логических правил. Но в науке не запрещены и методы, «иррациональные» в любом ином смысле, такие как применение интуиции или использование «счастливых обстоятельств», если они не нарушают общую рациональную схему исследования. Следовательно, хотя рациональность и устанавливает для научного познания определенные правила, их соблюдение не исключает применения творческих способностей исследователя и не превращает познание в механический процесс.

О применении предлагаемой процедуры для ранжирования научного знания

Нетрудно видеть, что данная процедура реализует оба требования рационального скептицизма, рассмотренных выше: выносимый ею вердикт об истинности не является окончательным и неподтвержденные положения при этом считаются научным знанием. Тем самым скептицизм сохраняется в научном познании без ограничений, а ученые получают право следовать в своих изысканиях любым личным склонностям, к чему и призывает П. Фейерабенд. В то же время его принцип «допустимо все» существенно ограничивается сохранением научной рациональности, что позволяет избежать хаоса в научном познании.

Во-первых, введенная процедура является критерием демаркации научного познания, поэтому результаты, полученные с ее нарушением, например теории, не проверившиеся на подтверждение или опровержение, элиминируются из научного знания. Такая элиминация, впрочем, не является абсолютной и действует только до появления результатов строгого применения данной процедуры к устранным теориям.

Во-вторых, научное знание, полученное с помощью этой процедуры, ранжируется по предполагаемой значимости для достижения идеала или конечной цели познания (см. выше) и, как следствие, для приращение и практического применения суммы научных знаний. Так, наивысший ранг здесь будут иметь положения, принимаемые за истину, которые прежде всего должны выбираться в качестве базисных для проведения дальнейших исследований и служить основой для организации практической деятельности. Несколько меньший приоритет отдается «явным гипотезам»: дальнейшее развитие науки должно быть направлено на поиск их подтверждений и опровержений. Наконец, низший ранг присваивается ложным положениям, представляющим научный интерес

ввиду возможности фальсификации других положений, а также пересмотра вопроса об истинности «при вновь открывшихся обстоятельствах», если будут предъявлены новые аргументы, переводящие эти положения в разряд «явных гипотез» или даже научных истин. Разумеется, в соответствии с принципом скептицизма, развитие науки может приводить не только к повышению, но и к понижению рангов научного знания.

Предлагаемая интерпретация развития науки как процесса многократного применения процедуры обоснования и ранжирования научных знаний согласуется также с тем, что наука чаще всего имеет дело со спорными теориями, об истинности которых имеются противоречивые суждения. Эти теории получают ранг «явных гипотез» и могут разрабатываться, например, путем устранения обнаруживаемых противоречий. Отметим, однако, что поскольку научный ранг всех таких теорий одинаков, то предлагаемый подход не дает оснований для предпочтения той или иной при выборе предмета исследований. Эта организационная задача может решаться при помощи дополнительной аргументации, например, прагматического характера.

Ранжирование научных знаний, таким образом, не мешает свободному выбору теорий для разработки, и ученый может следовать здесь своим страстям, «ступому упрямству», «научной моде» и т.п. Однако, согласно сказанному в предыдущем разделе, все эти «иррациональные элементы» имеют значение для науки только тогда, когда они воплощены в рациональной аргументации для решения вопроса об истинности обсуждаемой теории, иначе им суждено остаться не более чем субъективными переживаниями. Удивительно, но рассуждения П. Фейерабенда, защищающего «анархизм», также приводят к рациональности как обязательному средству научного познания, применение которого составляет первостепенную задачу ученого. «Ясно, что преданность новым идеям вызывается не аргументами, а иными средствами, – пишет Фейерабэнд. – Она вызывается иррациональными средствами, такими как пропаганда, эмоции, гипотезы *ad hoc* [23] и апелляции ко всякого рода предрассудкам. Мы нуждаемся в этих “иррациональных средствах” для защиты того, что является лишь слепой верой до тех пор, пока мы не найдем вспомогательных наук, фактов, аргументов, которые превратят эту веру в подлинное “знание” [24]» [25].

Не менее ясно, что никакие «иррациональные средства» (мы только исключаем из их числа гипотезы *ad hoc*, поскольку выдвижение последних, исходя из нашего варианта научной рациональности, вполне законно) не гарантируют успеха в научном познании и, пользуясь ими, иссле-

дователь рискует потратить свои силы впустую, если ему так и не удастся обнаружить искомую аргументацию. А если выводы исследования будут противоречить общепринятым теориям, то его автор может столкнуться и с сопротивлением научного сообщества. Конечно, страсть, с которой сторонники действующей «парадигмы» [26] набрасываются на «бунтаря-одиночку», также может получить рациональное оправдание, если сопровождается предъявлением контр-аргументации. Однако и в этом случае ученый испытает на себе те неприятные прагматические последствия, которые являются для научного познания внешним фактором, затрудняющим проведение исследований.

Здесь мы приходим к еще одной проблеме, связанной с обсуждаемым возражением П. Фейерабенда против научной рациональности, которое, как было показано, снимается принятием рационального скептицизма в научном познании. Догматизм рациональных стандартов науки Фейерабэнд увязывает с консервативной позицией научного сообщества по отношению к ним, что также вредит выяснению истины. Например, разбирая методологию И. Лакатоса, он пишет, что научные учреждения «могут отказаться поддержать регрессирующие исследовательские программы, лишить их денежных средств, высмеять их защитников, отказаться публиковать результаты исследований и вообще стараться причинить им как можно больше неприятностей. Итог легко предсказать: ученые, которые, подобно всем другим людям, также нуждаются в эмоциональной и финансовой поддержке... будут корректировать свои “решения” и подчас отвергать исследовательские программы, клонящиеся к упадку» [27].

С точки зрения нашей концепции также нет оправдания тому, что «исследовательские программы погибают не вследствие натиска аргументов, а потому, что их защитники гибнут в борьбе за выживание» [28]. И если такая программа или теория опровергается, сталкиваясь с аргументами оппонентов, то опять же нет оснований для отлучения от науки ни самой программы (теории), ни ее защитников. Поэтому последние должны сохранить право не только на информационную и моральную поддержку, но также на финансовую помощь в соответствии с научным рангом получаемых результатов. Со своей стороны, приступая к разработке «революционных» теорий, исследователь должен понимать, что выбирает путь наибольшего сопротивления, и пример Гаусса, не решившегося опубликовать полученные результаты по неевклидовой геометрии, наглядно иллюстрирует сказанное. В то же время консерватизм научной среды оправдан, если охраняет рацио-

нальность в науке и препятствует возведению в ранг истины неподтвержденных результатов. Следовательно, он допускает неоднозначные оценки и, по-видимому, неустраивает как атрибутивный «внешний» фактор научного познания.

Итак, стремление отстоять истинность общепринятых положений может как соответствовать, так и противоречить рациональному методу научного познания, и когда, например, «консерваторы» от науки опровергают новые теории без предъявления содержательной аргументации, они действуют иррационально. П. Фейерабенд, однако, считает иначе: «Консервативная позиция научных учреждений не иррациональна, так как она не вступает в конфликт со стандартами. Она – результат коллективной политики, инспирированной этими стандартами. Позиция ученого как индивида, который так легко подчиняется давлению, также не будет иррациональной, так как он принимает решения опять-таки в соответствии со стандартами... Хотя стандарты не предписывают и не запрещают никаких отдельных действий, хотя они вполне совместимы с лозунгом анархиста “все дозволено” (который, следовательно, прав, считая их лишь украшениями), эти стандарты все-таки придают некоторое содержание действиям индивидов и учреждений, решивших занять по отношению к этим стандартам консервативную позицию. Взятые сами по себе, стандарты не способны запретить даже самое вызывающее поведение. Взятые в соединении с консерватизмом только что описанного толка, они оказывают на ученого неявное, но настойчивое влияние» [29].

П. Фейерабенд прав лишь в частном случае – в том, что консервативная позиция по отношению к стандартам методологии может считаться рациональной только при соблюдении двух условий: 1) «консерваторы» строго выполняют требования стандартов, что, как уже отмечалось, происходит не всегда; 2) стандарты являются нерелективными, т.е. они не регламентируют собственную разработку. Второе условие выводит каждый такой стандарт за пределы науки и превращает его в догматический принцип, защищенный от возможной фальсификации. Но с нашей точки зрения, строить теорию научного познания на догматических принципах недопустимо, поэтому каждый методологический стандарт должен сам рассматриваться в качестве научного знания, попадающего под действие этого же стандарта. А поскольку процедура фальсификации согласно традициям науки должна быть обязательным элементом методологического стандарта, постольку может потребоваться рефлективное изменение последнего, и отказ от внесения необходимых

исправлений (т.е. консервативная позиция по отношению к стандарту) будет противоречить научной рациональности.

Таким образом, некорректно отождествлять консерватизм ученых не только с негативной ролью в научном познании, но также с соблюдением методологии науки и, вслед за П. Фейерабендом, делать отсюда общие выводы против научной рациональности. Пример нашей процедуры, обеспечивающей ранжирование научного знания на основе рационального скептицизма, показывает возможность консервативной позиции по отношению к методологии науки без ущерба для поиска истины.

* * *

В настоящей статье мы стремились показать, что принятие принципов рационального скептицизма и переход от элиминации ложных теорий к ранжированию научного знания позволяют преодолеть догматизм известных рациональных методологий науки, подвергшийся обоснованной критике со стороны П. Фейерабенда. Так, на примере предложенной нами универсальной процедуры научного познания видно, что научная рациональность не мешает ученому выбирать и разрабатывать научные теории в соответствии со своими желаниями. Однако эти желания не получают полной свободы, к которой призывает Фейерабэнд: при несоблюдении правил, добровольно и по умолчанию принятых в научном сообществе (описать которые возможно с помощью предлагаемой процедуры), результаты любого исследования отторгаются от научного знания. Например, исследователь не имеет права принимать свою концепцию за научную истину до тех пор, пока не выдвинуты аргументы в ее поддержку и не преодолены все имеющиеся возражения.

Таким образом, исследование утрачивает статус научного ровно в той мере, в какой предписания научной методологии были нарушены – при условии, что методология точно отражает неписанные традиции научного познания. Если же обнаруживаются противоречия между методологией и научной традицией, то их следует устранять путем изменения методологии, а не отказа от нее, как предлагает «эпистемологический анархизм».

Завершая статью, отметим, что рассмотренная процедура научного познания никак не регламентирует выбор предмета научных исследований. Отсюда следует, что в сферу возможного приложения научного

познания попадают объекты мифов, колдовства, «народной» медицины и других альтернативных познавательных практик, в том числе и рассматриваемые в их рамках теории. На наш взгляд, это полностью снимает проблему свободного выбора теорий для разработки в науке, которую поставил П. Фейерабенд.

Примечания

1. См.: *Фейерабенд П.* Против метода: Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ; Хранитель, 2007.
2. *Никифоров А.Л.* Предисловие переводчика // *Фейерабенд П.* Против метода: Очерк анархистской теории познания. – С. 13.
3. Там же.
4. *Фейерабенд П.* Против метода... – С. 155.
5. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 294–295.
6. Там же.
7. См.: *Пирс Ч.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – С. 11.
8. См.: *Ярцев Р.А.* О научном и ненаучном познании // Вестник ЯГУ. – 2010. – № 2. – С. 161–166.
9. См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; Хранитель, 2006.
10. См.: *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 46.
11. Там же. – С. 385.
12. См.: *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I: Античность. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 202.
13. См.: *Фейерабенд П.* Против метода... – С. 189.
14. Там же. – С. 42.
15. См.: *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения... – С. 130, 381.
16. См.: *Нарский И.С.* Давид Юм и его философия // Юм Д. Сочинения: В 2 т. / Под общ. ред., со вступ. ст. и прим. И.С. Нарского / И.С. Нарский. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – С. 60.
17. См.: *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения... – С. 371.
18. См.: *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ.
19. См.: *Ярцев Р.А.* О научном и ненаучном познании. – С. 163.
20. Там же. – С. 161–166.
21. Там же.
22. См.: *Ярцев Р.А.* Может ли мировоззрение быть научным? // Философская мысль и философия языка в истории и современности: Сб. науч. ст. – Уфа: Восточ. ун-т, 2008. – С. 224–233.
23. Гипотезы во имя «спасения» опровергаемой теории. См. также: *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. – С. 69.

24. Желательно, правда, без кавычек.
25. *Фейерабенд П.* Против метода... – С. 154.
26. См.: *Кун Т.* Структура научных революций. – С. 34, 233.
27. *Фейерабенд П.* Против метода... – С. 197.
28. Там же. – С. 198.
29. Там же. – С. 197.

Дата поступления 17.01.2012

Уфимский государственный
авиационный технический
университет (УГАТУ), г. Уфа
rust-66@yandex.ru

Yartsev, R.A. On ranking of scientific knowledge on the basis of rational skepticism

The paper discusses the problem of elimination of unconfirmed theories out of scientific knowledge as Paul Feyerabend's objection to known rational scientific methodologies. To solve the problem, the author suggests to rank scientific knowledge according to its cognitive significance basing on the principles of rational skepticism which he introduces. One realizes ranking with the help of a procedure which the author suggests as a universal method and criterion of demarcation of scientific knowledge.

Keywords: rationality, skepticism, anarchism, knowledge, science, truth, investigation, method, discussion, rank, theory